

ЛЮДИ И СУДЬБЫ

КОНСТАНТИН АЗАДОВСКИЙ

«СЕСТРА ПО УПОВАНИЮ»

Мишелю Никё

В начале 1970-х гг., увлекшись поэзией Николая Клюева, я начал собирать материалы о его жизни. Приходилось работать в архивах, особенно часто — в Рукописном отделе Пушкинского Дома. Однажды, узнав о моих занятиях и поисках, ко мне подошел заведующий читальным залом Анатолий Дмитриевич Алексеев (1922—1990), библиограф и архивист, создатель уникальной картотеки (роспись русских газет и журналов начала XX века). «А знаете, — шепнул он, — тут у нас лежат письма Клюева из ссылки. Их сейчас читает Базанов. Не хотите взглянуть? Может, поговорите с Василием Григорьевичем?» — «Да, — сказал я, — конечно, поговорю».

Соблюдая писанные и неписанные архивные правила, мне и в самом деле следовало тотчас же обратиться к В. Г. Базанову (1911—1981), в то время — директору Пушкинского Дома. Однако, поразмыслив, я решил не поднимать этого вопроса — побоялся, что Базанов все же откажет, тем более что поводов для отказа было в ту пору предостаточно («фонд не обработан»; «с материалами работает другой исследователь»; и, наконец, самое простое: «временно не выдается»). Памятуя, что речь идет о письмах, написанных Клюевым в Западной Сибири, куда он был сослан весной 1934 г., я имел все основания полагать, что разрешения не последует. Кроме того, я опасался, что, увидев мой интерес к этим «крамольным» письмам, директор или руководство архива навсегда закроют их «от греха подальше» — сделают недоступными и для всех других.

В общем, я не стал рисковать, а через несколько дней сказал Анатолию Дмитриевичу, что не успел поговорить с директором (тот как раз был в отъезде), но позднее, добавил я, когда он вернется, непременно поговорю. Толя (со временем мы сдружились и перешли на «ты») все понял и ни на чем не настаивал. Выслушав меня, он открыл большой старинный шкаф, где хранились материалы, временно закрепленные за тем или иным исследователем, и положил передо мной папку с письмами Клюева.

Константин Маркович Азадовский (род. в 1941 г.) — историк русской и зарубежной литературы, критик, переводчик. Автор и составитель книг: «Рильке и Россия» (Берлин, 1986, на нем. яз.; СПб., 2003; М., 2011); «Николай Клюев. Путь поэта» (Л., 1990; СПб., 2002); «Небесная арка. Р.-М. Рильке и Марина Цветаева» (СПб., 1992; 2-е изд. — СПб., 1999); «Ф. Фидлер. Литературный дневник» (Гёттинген, 1996, на нем. яз.; М., 2008) и др. Живет в С.-Петербурге.

Хорошо помню свое первое впечатление. Пронзительные в своей безысходности и в то же время высоко поэтичные, насыщенные яркой и густой образностью письма Клюева будоражили воображение, надрывали сердце. В них звучал голос человека, погруженного в бездну, открывались те стороны советско-российской жизни, о которых в 1960-е гг. заговорил Солженицын. Должен признаться: никогда раньше мне не доводилось читать посланий «из ада» — писем из лагеря или ссылки, представляющих собой совершенно особый эпистолярный жанр, в ту давнюю пору еще совсем не известный.

Кому же писал Клюев столь отчаянные письма? В архивной описи значилось: «Письма к Н. Ф. Христофоровой. 1934—1937». Кто это? Как попали эти письма в Пушкинский Дом? И главный вопрос: жива ли сама Н. Ф. Христофорова? Прочитав письма, я проникся к этой неизвестной женщине благодарственным чувством — ведь еще в начале 1930-х гг. она приютила Клюева в своей московской квартире. А затем в течение трех с лишним лет проведенных им в Западной Сибири (в Колпашеве, затем в Томске), поддерживала ссыльного поэта, посылала ему продукты и вещи, деньги... По письмам угадывался человек, способный безоглядно творить добро и свободный от страха перед советской государственной машиной.

Стилистика и слог писем свидетельствовали: Клюев пишет не просто знакомому человеку — он пишет единомышленнику, единовецу. Подробно рассказывая о своих мытарствах, поэт поздравляет Надежду Федоровну с Рождеством и Пасхой, постоянно цитирует Евангелие, упоминает о Филарете Милостивом и Романе Сладкопевце, приводит выписки из книги Иоанна Кронштадтского «Моя жизнь во Христе».

Из содержания писем явствовало, что Христофорова не принадлежала к писательским кругам и связь ее с Клюевым определялась отнюдь не литературными интересами. То, что побуждало Надежду Федоровну заботиться о несчастном ссыльном, определяется иными словами: способность сочувствовать и сострадать. Это ясно сознавал и сам Клюев, ценивший в Надежде Федоровне прежде всего это качество: человечность.

«Я знаю, что для Вас я только лишь страдающее живое существо, — писал ей поэт в своем первом письме из Нарыма (10 июня 1934 г.), — и что Вам и Вашему милосердию я совершенно не нужен как культурная и тем более общественная ценность, но тем потрясающее и прекраснее Ваша простая человечность!»¹

«Ваши сердечные прямые слова, как корпия на мои раны, — пишет он в другом письме (28 июля 1934 г.). — <...> Каждое Ваше слово я пью, как липовый мед. Так мне никто не скажет».

«...Не бросайте меня своей помощью по-человечески и по простоте Вашей. Моя блаженная мать небесным бисером оплатит Вам за Вашу хлеб-соль и милосердие ко мне недостойному» (24 октября 1934 г.).

«Никакой богословский реферат не дал бы моему сердцу столько убеждения и свежести душевной — сколько дают Ваши простые строки, — в которых журчит и струится глубочайшая человечность» (22 февраля 1935 г.).

На одном из клюевских писем (открытке) я прочитал адрес: «г. Москва. Б. Якиманка (Замоскворечье). Второй Голутвинский переулок, дом № 8, кв. 3.² Христофоровой Надежде Федоровне». Кроме того А. Д. Алексеев украдкой сообщил мне о других материалах, поступивших в Пушкинский Дом (от того же лица) позднее, чем письма. Речь шла о воспоминаниях Н. Ф. Христофоровой, посвященных ее знакомству с Клюевым в 1931—1932 гг.³ и записанных ею «снах» поэта.

Значит, не только в середине 1930-х гг., но и совсем недавно, во второй половине 1960-х, Надежда Федоровна еще была жива. Найду ли я ее по тому же адресу?

* * *

В марте 1973 г., приехав в Москву, я добрался до Замоскворечья и, путаясь в сплетении Голутвинских переулков, стал отыскивать восьмой дом по Второму Голутвинскому. Такого дома не оказалось. Весь район Якиманки до самой набережной представлял собой сплошную стройку. На месте уютных деревянных домиков, некогда придававших Замоскворечью поэтический патриархальный облик, возвышались кирпичные многоэтажки. Из расспросов я понял, что нужный мне дом недавно снесли, и участок, который он занимал, включен в строительную территорию.

Что делать? Мне подсказали, где находится жилконтора. К счастью, я попал в приемные часы. Объяснил, что ищу дальних родственников, по такому-то адресу. Да, вежливо подтвердили мне: Христофорова была здесь прописана, но больше не проживает. Дом был предназначен на снос, и она вместе с дочерью получила двухкомнатную квартиру. «Когда?» — «Несколько лет тому назад». Я спросил адрес. «Да, пожалуйста: Профсоюзная ул., д. 58, корп. 2, кв. 56». — «А телефон?» — «Телефона не знаем».

Не слишком рассчитывая на успех, я спустился в метро и поехал на Профсоюзную. Нашел дом, корпус, квартиру. Позвонил в дверь. Мне открыли. «Вы к кому?» — спросила немолодая женщина. «К Надежде Федоровне». — «А кто вы?» Я назвал свою фамилию, сказал, что приехал из Ленинграда. «Я читал письма Клюева к Надежде Федоровне и хотел бы задать ей несколько вопросов». Женщина посмотрела на меня не очень приветливо. «Вы знаете, Надежда Федоровна больна, она не может к вам выйти». — «А можно ли ее видеть?» — «Сейчас узнаю».

Я стоял в прихожей, а женщина — как выяснилось, дочь Надежды Федоровны — тем временем говорила (до меня доносились отдельные слова): «...из Ленинграда... письма Клюева... хочет о чем-то спросить...»

Квартира состояла из двух комнат («сугубо смежных», как тогда говорили). Во второй из них стояла большая кровать, на ней лежала худая, очень старая женщина. «Здравствуйте, Надежда Федоровна», — сказал я. «Здравствуйте». Так мы познакомились.

* * *

Нашу первую беседу (она длилась долго) я записал в тот же вечер. Мне пришлось немного рассказать о себе и своей семье. Я сообщил, что работаю в Карелии (Петрозаводске), преподаю иностранные языки, занимаюсь переводами, в том числе стихотворными, изучаю русскую поэзию — отсюда мой интерес к Клюеву, уроженцу Олонецкой губернии. Сказал, что хотел бы подготовить к печати несколько его неизвестных стихотворений и поэм, возможно, составить сборник... Надежда Федоровна слушала не перебивая и, казалось, с любопытством. Я начал задавать ей вопросы, спросил, москвичка ли она по рождению. «Нет, — сказала Надежда Федоровна. — Южанка». И стала рассказывать. Ее отец, Федор Анастасьевич Тащи, был директором Севастопольского городского банка.⁴ Христофорова — ее фамилия по первому мужу⁵, с ним она жила в Порт-Артуре, где и родилась дочь Галина (в 1904-м или 1905 г.). Более ничего о том времени не сказала — я так и не понял, погиб ли ее муж на войне или супруги впоследствии расстались. Дважды повторила: «Мне девяносто три года».⁶ Подробно говорила о своем самочувствии. «Голова не затемнена. Вся моя жизнь проходит внутренне». Выяснилось, что она — вегетарианка. «Уже тридцать с лишним лет ничего мясного не ем. Мне делали исследование крови, и врачи удивлялись, какая чистая кровь». Жаловалась на одиночество. «На улице некому меня свести. Некому со мной возиться». — «А с кем вы живете?» — «С дочерью. Но дочь очень утомляется; кроме того, она другого характера». —

«А еще вам кто-нибудь помогает?» — «Да, приходят женщины» (я понял, что знакомые прихожанки).

Училась пению (где и когда, не сказала) у итальянского педагога.⁷ Около 1917 г. поступила преподавать пение в петроградский Народный дом (помнится, она упомянула Н. Н. Фигнера, который ее «устроил»); там познакомилась с певцом А. Н. Садовым, своим вторым мужем, получившим в 1918 г. приглашение в Большой театр. До войны Садов (бас-баритон) исполнял ведущие партии в спектаклях «Евгений Онегин» (Гремин), «Пиковая дама» (Томский), «Севильский цирюльник» (Дон Базилио) и др.; его имя пользовалось в 1930-е гг. немалой известностью. Он умер в 1942 г.

О своей «церковности» Надежда Федоровна говорила как о чем-то обыденном. Помню ее рассказ о том, как в пору закрытия и опустошения храмов она с другими прихожанами пыталась спасти икону св. Иоанна Воина (из одноименной церкви на Якиманке). «Передавали друг другу. Прятали...» В церковь ходила, «пока позволяло здоровье». Когда у нее жил Клюев, они вместе, и не раз, посещали богослужение (в ее воспоминаниях об этом не упоминается).

Квартира показала мне неказистой. Книг не было (во всяком случае, я не заметил). В комнате, где лежала Надежда Федоровна, в углу висела икона. Оказавшись в Сибири, Клюев тосковал о ее «милых комнатах», где им было пережито немало «чистых чувств, слов и видений». Однако убогая обстановка, окружавшая Надежду Федоровну, произвела на меня иное впечатление: неприятельность и даже скудость бросались в глаза. Христофорова и ее дочь — в этом мне пришлось убедиться позднее — жили более чем скромно. За сорок лет многое изменилось...

Я расспрашивал ее о некоторых подробностях, связанных с московским периодом биографии Клюева. Она напрягала память, пыталась вспомнить, но отвечала с трудом. Спросил, сохранились ли у нее еще какие-либо письма или записи Клюева (помимо тех, что она передала в Пушкинский Дом). «Нет, ничего не осталось». (Впоследствии, желая удостовериться, я не раз задавал ей тот же вопрос, и ответ был всегда отрицательный.⁸)

«А как вы узнали об аресте Клюева? — спросил я. — От кого?» — «А от него самого. Он написал из Нарыма, просил прислать продуктов и денег.⁹ Я быстро собрала, что могла, побежала и отправила ему. Другие-то боялись».

Меня интересовал неясный (не до конца проясненный и до настоящего времени) эпизод, связанный с переводом Клюева из Колпашева в Томск в октябре 1934 г. Кто и по какой причине облегчил участь опального поэта? Этот вопрос я задал Надежде Федоровне. К моему удивлению, она ответила не задумываясь: «Ну как же, я ведь сразу пошла к Надежде Андреевне». Надежда Андреевна Обухова, любимая «народная певица», высоко ценила талант Клюева; да и сам поэт был ее горячим поклонником.¹⁰ В те годы Обухову охотно приглашали советские начальники, желавшие послушать ее пение «в домашней обстановке». Один из них был Г. Г. Ягода. Ему-то Обухова якобы и поведала о судьбе Клюева (возможно, через Н. А. Пешкову, сноху Горького, к которой нарком внутренних дел испытывал нескрываемую симпатию). Услышав от Христофоровой этот рассказ, я отнесся к нему с известным сомнением¹¹, однако впоследствии, когда на свет появились документальные свидетельства о последних годах жизни Клюева, стало ясно, что эта версия — не плод фантазии и не ошибка старческой памяти.

«А как случилось, что вы решили передать клюевские материалы в Пушкинский Дом?» — спросил я. «Так они сами ко мне обратились». — «Кто именно?» — «Владимир Иванович». Она запнулась, потом вспомнила и назвала фамилию: «Малышев». ¹² — «Вы знакомы с Владимиром Ивановичем?» — «Да, он был у меня. ¹³ И еще какой-то сотрудник». ¹⁴ — «А как Владимир Иванович узнал о клюевских материалах?» — «Через общую знакомую в Ленинграде».

Мы расстались дружески. Она просила меня присылать ей то, что удастся напечатать. Я обещал. Со своей стороны, попросил у нее разрешения задавать вопросы, если какие появятся. «Да, конечно».

В последующие годы я не раз навещал ее, приезжая в Москву. Визиты мои были недолгими. Состояние Надежды Федоровны ухудшалось; полностью прикованная к постели, она лишь с трудом приподнималась на локте. Из Ленинграда или Петрозаводска (где я жил и работал до весны 1974 г.) я звонил ей по телефону — справлялся о здоровье или поздравлял с праздниками. Вопросов возникало немало, но я понимал, что задавать их не стоит. Память ее безнадежно слабела. Да и при всем желании она не могла бы удовлетворить мое любопытство — ведь ее общение с поэтом было вовсе не продолжительным.

Время от времени я писал ей письма, и она неизменно отвечала на них. Послал две или три моих публикации о Клюеве, появившиеся в середине 1970-х гг. Она читала, благодарила, писала мне лестные отзывы. Почти каждый раз спрашивала о моей маме, просила передать ей привет. Неизменно интересовалась «книгой» о Клюеве. Мы переписывались около четырех лет. Первое ее письмо, полученное мною, было написано вскоре после нашего знакомства 12 мая 1973 г. Последнее (судя по почтовому штемпелю) отправлено из Москвы 23 января 1977 г. В последний раз я звонил ей из Ленинграда в конце августа 1978 г. — поздравлял с днем рождения. На мой вопрос: «Как вы себя чувствуете?» — ответила: «Очень плохо». В ноябре того же года она умерла и была похоронена на Даниловском кладбище — рядом с могилой А. Н. Садовой.

* * *

Письма Христофоровой ко мне не столь содержательны, чтобы печатать их полностью. Приведу лишь отдельные выдержки. Конечно, далеко не все, что она писала, бесспорно. Так, ее отзывы о моих тогдашних работах следует воспринимать не иначе как проявление свойственной ей доброты: радуясь моему вниманию к Клюеву, Надежда Федоровна стремилась подбодрить молодого исследователя (что действительно было для меня в ту пору моральной поддержкой — занятия Клюевым воспринимались тогда скорее скептически).

12 мая 1973 г. «Милый Костенька, сегодня получила от Вас журнал „Русская Литература“¹⁵. Читаю. Сердечное спасибо — за внимание. Когда будете в Москве — позвоните 128—25—09. Чтобы был кто — Вам открыть дверь <...> Не знаете ли что о Малышеве?»

31 июля 1973 г. «<...> получила от Вас *все*, что Вы обещали выслать: 1) Письмо; 2) 10 руб.; 3) Перепечатанное «Очищение сердца»¹⁶ — и письма фотографические.¹⁷ Конечно, я их не могу прочесть — надо искать подходящую машинистку. Спасибо Вам. На Ваши вопросы в письме — постараюсь ответить точнее. Ведь это было так много лет назад. Вячеслав — это тот же певец Наумов¹⁸, у которого бывал Николой Алексеевич Клюев, но потом Наумов переехал, и жив ли он, не знаю, и где. О Николае Степановиче я ничего не знаю и даже забыла, кто он.¹⁹ Очевидно, с ним не встречалась. Но если вспомню, — напишу Вам. О Чулковой²⁰ ничего не знаю и не помню. Смольянинова²¹ была ученица итальянца — была концертная певица — я ее знала как певицу — она жила в Саратове, и вот от нее с письмом ко мне приехала Николой Алксеевич Клюев с просьбой помочь ему во время переселения его в Москву. Я помогла ему — он имел у меня приют на время переселения. А затем он устроился где-то у Никитских ворот²²: поменял свою комнату. Теперь я уже забыла этот адрес. Там и был взят. Но в это время я болела и подробностей не помню. Началась же переписка после его первого письма из Нарыма.²³

Я очень жалела его как большой талант и глубокую проникновенность. Спешу Вам отправить письмо. Если что вспомню, буду сообщать».

22 марта 1974 г. «<...> где Вы и что с Вами? Как дела с книгой о Клюеве? Пишете ли? Будет ли издана? Приедете ли в Москву и когда? Зайдите ко мне, кое-что найдется еще о Клюеве».²⁴

23 октября 1974 г. «<...> Как Ваши дела вообще и писательские — особо. <...> Пишете ли что-либо и что о Николае Алексеевиче? Мое здоровье сравнительно укрепилось. Была бы рада Вашему визиту ко мне. Как поживает Владимир Иванович Малышев? Сердечный привет ему от меня. Черкните хоть пару слов. <...> Для болящего всегда отраднo внимание. <...> Как Клюевское издание?»

7 марта 1975 г. «<...> Ваше письмо и книга „Есенин и Современность“ мною получены²⁵; порадовали Вы меня своим вниманием. А книга прекрасно издана и интересна. Ваша статья *весьма содержательна* — в сжатой форме — *большой материал*. Пишите — пишете, это Ваше *Призвание*. Я очень довольна, что передала Вам имеющийся *материал*. Он попал в *творческие руки*. Пишите и сохраняйте Вашу *углубленность* и *тишину внутреннюю*. Эти качества дают тончайшие *восприятия*, отсюда *талант*. <...> Знакомая, с письмом которой пришел ко мне Н. А. Клюев, — *давно уже умерла*, как будто в Баку. Была одинока».

4 апреля 1975 г. «<...> Как Ваша книга? Как Ваше здоровье и как мамочкино? Очень желаю Вам успехов. Мои болезни и нужды все те же — — — Утешьте... Пишите. <...> Как книга о Клюеве?»

18 апреля 1975 г. «<...> что-то от Вас нет никаких вестей? Вы собирались меня навестить в апреле. <...> Все же сообщите о себе и о своих писаниях. Я этим живо интересуюсь. Возможно, найдется еще материал для Ваших статей.²⁶ Здоровье мое немного лучше».

28 июля 1975 г.²⁷ «<...> Получила Ваше письмо 25/VII. Порадовалась, что Елизавета Ивановна²⁸ восстановила наше с Вами общение. В общем, *все неплохо*, и интерес к Клюеву, несомненно, возрастет. А у Вас такой богатый материал. Хорошо, что я передала в Ваши руки его личные письма ко мне о самых затаенных годах его жизни.²⁹ Несомненно Вы все *оживотворите*. Благодарю за присланные книги и жду обещанных... Жить в 93 года очень *сложно* во всех отношениях. <...> Елизавета Ивановна — давнишняя моя знакомая, очень *содержательный* человек. Каждая весточка от Вас мне радостна. Пишите».

4 декабря 1975 г. «<...> У меня к Вам большая просьба — мне крайне нужна *ручка и карандаш* для многих полезных переписок и писаний. Говорят, Ленинград славится этими изделиями... Гале³⁰ трудно здесь искать, и я лишена самого необходимого. Конечно, чернила черные, ведь у меня зрение ослабело. Буду Вам глубоко благодарна. <...> Ваши статьи очень *содержательны*³¹ — писательский Дар. Не оставляйте и этого творчества. Статьи напечатаны слишком мелко. Весьма рада буду Вашему приезду. Я плохо вижу, и ручка нужна с *толстой чертой*».

20 января 1976 г. «<...> Что с Вами? Давно-давно нет от Вас весточки — а Вы обещали в декабре даже навестить меня! Как дела? Как здоровье? <...> Что с Вашей книгой? <...> Как здоровье мамы?»

6 февраля 1976 г. «<...> Борюсь с болезнями старческими — — — Напишите о своих достижениях и когда все выяснится. С сердечным приветом — Н. Ф. <...> Посланное получено³²».

12 декабря 1976 г. «<...> Получила Ваше письмо. Спасибо за внимание. Ключевское писание — художественно-язвительное.

Особа, давшая ему письмо ко мне с просьбой приютить его временно у себя — давно уже умерла — фамилия ее *Смолянинова Нина Сергеевна*. В Москве мы учились пению. Думаю, что Ваш труд будет иметь хороший успех. Мои добавления, вероятно, не испортят дела. Ваше обещание материальной посылки *весьма кстати*. В 94 года много забот и хлопот. Жду».

18 января 1977 г.³³ «Сердечно благодарю за все Вами посланное. А также — за новогодний *привет* — — — <...> Статья Ваша о Ключеве³⁴ написана *весьма талантливо, разносторонне*. Это Ваше призвание. <...> Вы спрашиваете о Николае Степановиче³⁵ и Вячеславе. Ничего не могу сказать о них. Во всяком случае, к Наумовым они не относятся.³⁶ <...> Моя жизнь проходит в затворе по возрасту в 95 лет. Радуюсь Вашим достижениям».

23 января 1977 г. «Милый, милый Костенька — проходит январь — а от Вас ни слуху, ни духу... Как дела с Вашей книгой о Ключеве? И как жизнь? Напишите хотя бы вкратце. Мне уже 95 лет, но бодрость не покидает. Много *нового* и полноценного *внутри*. Память кое-что сохранила. Как Ваше творчество? Шлю Вам сердечный привет — и Вашей милой мамочке».

Наша переписка все более превращалась в обмен приветствиями и поздравлениями. Я считал себя не вправе утруждать память Надежды Федоровны, причинять ей лишнее беспокойство. А иные вопросы, которые меня действительно интересовали, я вообще старался обойти стороной. Например — о разрыве их отношений к моменту ареста Ключева.

* * *

Ключев провел у Надежды Федоровны несколько месяцев (в конце 1931-го — начале 1932 г.) и надолго сохранил теплые воспоминания о своем пребывании на Втором Голутвинском («...где меня любили и где я видел столько ласки и внимания...» — вспоминает он в письме к Христофоровой 28 июля 1934 г.). Однако впоследствии Ключев и Садомовы перестали встречаться, и к началу 1934 г. их отношения оказались полностью прерванными. «Жизнь тогда была сложная, время бежало...» — замечает Надежда Федоровна в своих воспоминаниях.³⁷ «Я тогда болела и подробностей не помню», — сказано в ее письме ко мне от 31 июля 1973 г. На самом деле причина их взаимного отчуждения объясняется не только быстротечностью времени или болезнью Надежды Федоровны.

Обосновавшись в своем новом жилье на Гранатном, Ключев вел независимый образ жизни; он посещал своих многочисленных знакомых, заводил новые связи и не скрывал своей дружбы с молодыми людьми, которых любовно и отечески опекал. Он открыто появлялся «на публике» и с Анатолием Кравченко, и со Львом Пулиным, который месяцами жил у него на Гранатном (и был арестован одновременно с поэтом). В среде московской интеллигенции хорошо знали о «наклонностях» Ключева, тем более что сам поэт и не думал их скрывать. Многие воспринимали это сдержанно или равнодушно; другие осуждали Ключева. К числу последних принадлежала и Надежда Федоровна: человек истово верующий, она считала поведение Ключева предосудительным и именно по этой причине прекратила с ним всяческое общение. Да и Ключев, со своей

стороны, не искал в тот период встреч с Садовыми. В своем первом письме к Христофоровой из Нарыма он пытается объяснить длительный перерыв в их отношениях таким образом: «...Только дьявольский соблазн и самая трепетная глубокая забота не причинить Вам горя на время отдалили внешне меня от Вас — в Москве».

Слова «дьявольский соблазн» — своего рода «реверанс» в сторону Христофоровой, на поддержку которой ссыльный поэт в то время возлагал особые надежды. Однако Надежда Федоровна не приняла «объяснений» Клюева. Немедленно откликнувшись на его просьбы и мольбы, она стала обличать «грешника» и склонять его к покаянию. «Вы мне писали, чтобы я пересмотрел свою жизнь», — сказано в письме Клюева к Христофоровой от 24 октября 1934 г. О том же говорится и в послании «Очищение сердца». «В Вашем последнем письме ко мне, — пишет Клюев, — Вы несколько раз советуете мне обратиться и очиститься». Упреки и обличения Надежды Федоровны побудили Клюева вступить с ней в обсуждение «греха» и «очищения»; в своих письмах к ней он с разных сторон затрагивает эти темы. Их переписка перерастает в напряженный диалог ортодоксальной веры и свободного духа, воспаряющего над общественными условностями.

Пытаясь защититься и оправдать свою «греховность», Клюев использует всю силу своего литературного дара. «Я получил Ваше письмо, наполненное грустью о моих грехах, — пишет ей Клюев 1 января 1935 г. — Я поплакал над ним тихими очистительными слезами. Оно — живое доказательство, что я один из тех темных грешников, ради которых и пришел во плоти Свет на землю, ибо Он пришел не к праведникам, а к ужасному сборщику римских податей Занхею, к сиропфиникиянке-блуднице, львице восточных бань и публичных сатурналий, к бесноватому, живущему во гробах, к гнойным проказным. <...> Дорогое чадо Божие — теплая и родная Надежда Федор<овна>. Да не смущает сердце Ваше и да не устрашает! Не принимайте мои *спокойные* встречи с искушениями — за самый грех. Будьте в покое, и раскаленные стрелы сатаны возвратятся туда, откуда они прилетели! <..> Я же скажу вместе с апостолом Павлом: „Хотя я ничего и не знаю за собою, но тем не оправдываюсь; судия же мне Господь“. Возьмите человека, который по причине многогранности своей души не может жить среди официальных праведников, выкиньте его из общественных предприятий, изгоните из общества — и Христос скажет: „Вот человек, которого Я ищу! Я пришел взыскать и спасти погибшее!“».

Эти мысли Клюев углубляет в «Очищении сердца». Обильно цитируя Священное писание, он пытается убедить Надежду Федоровну в том, что даже подверженный искушениям человек может остаться не тронутым грехом, если сумеет воспитать в себе «чистое сердце». Грех якобы не затрагивает того, кто уповает на Господа. «Прикосновение к нам раскаленных стрел сатаны не есть еще бездна и грех», — повторяет Клюев, парафразируя апостола Павла (Послание к Ефесянам). И наоборот: при неверии в сердце воцаряется Сатана, калечащий человеческое нутро. «...Всегда помните силу Христа, — заключает Клюев, — тогда Он и сохранит Вас. Так поступаю я — один из грешников, ради которых и пришел Свет в мир».

Не берусь судить, насколько эти тирады Клюева, обращенные к корреспондентке, от милосердия которой он в то время зависел, были продиктованы его подлинным раскаянием. Искренне ли он сокрушался о своем «грехе» или только защищался от нападков Надежды Федоровны, искусно играя на сокровенных струнах ее души? Мне хотелось понять, в какой степени Клюеву удалось убедить ее в том, что именно он, греховный человек, «изгнанный из общественных предприятий», принадлежит к тем, кого «взыскует» Христос. Удалось ли ему обосновать свое «покаяние»? Поверила ли Христофорова его словам? Но, естественно, я не мог — тем более в письмах! — обсуждать с ней эту трудную

(в то время — почти запретную) тему. Да и зачем? Ведь не набожность Надежды Федоровны и не ее приверженность православным догматам восхищали меня в этой женщине, а ее способность на самоотверженный подвиг. Я живо представлял себе, как летом 1934 г., узнав от Клюева о его аресте и ссылке, она начинает собирать для него продукты и вещи, бросается к Обуховой и, не думая об опасности, бескорыстно помогает тому, кого в глубине души считает погрязшим в «содомском грехе».

Что же касается существа вопроса о «чистоте» и «греховности», то его в конце концов разрешило время, провозгласившее — в цивилизованной части современного мира — терпимость, милосердие и сочувствие к «меньшинству».

* * *

В своих воспоминаниях Надежда Федоровна рассказывает о том, что «однажды» (судя по контексту, в конце 1937-го — начале 1938 г.) к ней зашли двое мужчин («проезжие из ссылки в Томске») и сообщили, что Клюев «скончался в Томской тюрьме. Ничего не добавив, ушли».³⁸

Это место всегда заставляло меня задуматься.

В начале 1970-х гг., впервые прочитав эту фразу, я подумал, что понимать ее можно двояко: либо расстрелян, либо умер собственной смертью (тем более что в 1937 г. поэт тяжело болел, был частично парализован и т. д.). В то время была распространена иная версия о гибели Клюева, восходящая к эмигрантским мемуарам Иванова-Разумника: дескать, отбыв срок ссылки, Клюев выехал в Москву «с чемоданом рукописей», но по дороге скончался от сердечного приступа и был похоронен на одной из станций Сибирской магистрали; чемодан же пропал бесследно.³⁹

В 1990-е гг., благодаря документам, обнародованным В. Шенталинским⁴⁰, Л. Пичуриным⁴¹ и др., выяснились обстоятельства последних лет жизни Клюева и ее трагический финал: расстрел в Томске между 23 и 25 октября 1937 г. по приговору «тройки».

В этом свете свидетельство Надежды Федоровны приобретало особый смысл.

Клюев был арестован в Томске вторично (после тюремного заключения в марте—июле 1936 г.) 5 июня 1937 г. В какой степени он догадывался о своем возможном аресте, сказать трудно. Но он не мог не чувствовать гнетущей атмосферы 1937 г., подавлявшей так или иначе каждого гражданина советской страны.

Итак, четыре с половиной месяца, проведенные в застенке. С кем столкнулся поэт в тюремной камере, какие вел разговоры, — об этом мы ничего не знаем. Кроме, пожалуй, одного эпизода, который попытаемся восстановить умозрительно.

9 октября Клюеву было объявлено, что следствие по его делу закончено. 13 октября «тройка» Управления НКВД Новосибирской области (Западно-Сибирского края) выносит постановление о расстреле. Как минимум через десять дней приговор приводится в исполнение.

Десять дней в ожидании расстрела. О чем думает и что переживает в эти дни человек, да еще такого духовного склада, как Николай Клюев, — тема скорее для литературно-психологического этюда. Одно несомненно: осужденный на смерть, но не сломленный нравственно (на следствии он отказался признать себя виновным), Клюев настойчиво ищет в те дни возможность передать известие о своей кончине «на волю». Свои личные и официальные письма поэт в те годы нередко завершал формулой: «Милосердие и русская поэзия будут Вам благодарны».⁴² Теперь он думает о том же — об истории русской поэзии, в которой должна остаться правда о его мученической кончине.

Мне видится смрадная камера томской тюрьмы, до отказа наполненная людьми; большинство из них — смертники. Но кто-то из узников, не причастный к 58-й статье, имеет шанс на освобождение. Жизненно умудренный Клюев присматривается к сокамерникам, вступает в разговоры, расспрашивает. Выбирает того, кто внушает ему доверие, и нашептывает ему московский адрес и имя Надежды Федоровны — едва ли не единственный адрес и единственное имя, которые он может назвать накануне неминуемой смерти.

Ну а если предположить, что «ссылные», навестившие в Москве Христофорову, не были сокамерниками поэта? Ведь слух о том, что Клюев погиб в тюрьме, быстро распространился по Томску; об этом знали многие.⁴³ Но кто — среди томских знакомых Клюева — мог помнить домашний адрес Садомовых? Кто знал наверняка о его расстреле? Кто из них — без просьбы самого Клюева — рискнул бы зайти «проездом» к друзьям расстрелянного «контрреволюционера»?

Думается, все было именно так. Неизвестные «ссылные» выполнили последнюю просьбу Клюева и доставили Надежде Федоровне его прощальный привет.

* * *

В конце 1931 г., вернувшись с Кавказа, где он отдыхал в Доме работников печати (в Сочи) и поселившись у Надежды Федоровны, Клюев подарил ей свою фотографию: поэт запечатлен на ступеньках лестницы, с кипарисовой веткой в руке. На обороте — надпись, сделанная его рукой: «„Радуйся заря таинственного дня“. Из акафиста Богородице. Светлой сестре по упованию Надежде Федоровне Садомовой. Н. Клюев. Я алкал и жаждал, и Вы насытили меня».⁴⁴

Последние слова восходят к Евангелию от Матфея. Христос произнес их на горе Елеонской, обращаясь к ученикам и пророчествуя о том времени, когда «придет Сын Человеческий во славе Своей» и будет судить людей и народы, и отделит одних от других. И те, которые насытили алчущих, напоили жаждущих, исцелили болящих, приютили скитальцев и посетили заключенных в темнице, воссядут от Него по правую руку. А те, кто не сделал этого, — по левую. «И пойдут сии в мýку вечную, а праведники в жизнь вечную».

Христофорова была одной из российских праведниц. Клюев знал это и уверенно предсказывал ей «жизнь вечную» за несколько лет до собственной кончины. «На золотых весах вечной справедливости, — писал он в своем первом письме к Надежде Федоровне, — Ваша глубокая человечность перевесит грехи многих».

Поэты вдохновляются и творят мифы, но лишь немногие из них, одаренные особым внутренним зрением, способны провидеть или угадывать будущее.

¹ *Клюев Н. А.* Словесное древо. Проза. Вступ. статья А. И. Михайлова. Сост., подготовка текста и примеч. В. П. Гарнина. СПб., 2003. С. 212—213 (отрывки из писем Клюева к разным лицам и его дарственные надписи приводятся далее — без отсылок — по этому изданию).

Письма Клюева к Н. Ф. Христофоровой стали появляться в печати начиная с 1984 г. (см.: Красное знамя (Вытегра). 1984. 17, 19, 22 и 24 октября; публикация С. Субботина). Публикаторами были также К. М. Азадовский (1988, 1989), А. И. Михайлов (1992, 1994) и В. П. Гарнин (2003).

² В недатированном письме к Андрею Белому (конец 1931 — начало 1932 г.), где указан адрес Н. Ф. Садомовой, значится: «квартира 2». Однако в 1960-е гг. (судя, например, по письму Христофоровой к В. И. Малышеву) Надежда Федоровна проживала в квартире № 4.

Эта путаница с квартирными номерами объясняется, вероятно, тем, что в доме № 8 по Второму Голутвинскому переулку проживали (или могли проживать) родственники А. Н. Садомова. Согласно адресным книгам Москвы, дом по этому адресу принадлежал до 1917 г. купеческой фирме «Н. Садомова с <сыновья>ми», торговавшей шерстью, бумагой, нитками, галантерейными и чулочными товарами.

³ Впервые опубликованы (частично): Огонек. 1984. № 40. Сентябрь. С. 26—27 (публ. С. Субботина).

⁴ Умер 25 марта 1909 г. (см.: Крымский вестник (Севастополь). 1909. № 80. 27 марта. С. 1; № 81. 29 марта. С. 5).

⁵ Возможно, из семьи крымских виноторговцев.

⁶ В дальнейшем (в разговорах со мной или письмах ко мне), называя свой возраст, Надежда Федоровна путалась, сдвигая дату своего рождения то на год, то на два. (Общепринятая дата — 1880.)

⁷ Она назвала фамилию, которую я не разобрал на слух и записал с вопросительным знаком: «Феробальди?».

⁸ Мои сомнения были не беспочвенными. Например, меня удивляло (удивляет и поныне), сколь точно воспроизвела Надежда Федоровна рассказы Ключева (его «видения» или «сны»), записанные якобы «по памяти»: они изобилуют подлинными ключевскими выражениями, словосочетаниями, образами. Неужели все это хранилось в ее памяти на протяжении 35 лет? В своих воспоминаниях Надежда Федоровна признается, что Ключев, живя у нее, «часто передавал» ей отрывки из своих «пророческих снов». «Передавал» — в каком виде? Устно? Письменно?

Смушал меня и отрывок, приведенный в воспоминаниях Надежды Федоровны, — фраза из ключевского письма 1937 г. («последнего из Томска», по ее утверждению): «Если меня еще раз обидят и арестуют — я этого уже не вынесу, так как сердце мое больше не вынесет страданий; поминайте тогда меня „на погосте“» (цит. по: Николай Ключев. Воспоминания современников. Вступ. статья Л. А. Киселевой. Сост., справки об источниках текстов и указатель имен П. Е. Поберезкиной. Комментар. Л. А. Киселевой при участии Т. А. Кравченко, Мишеля Никё и С. И. Субботина. М., 2010. С. 550). Однако среди писем Ключева к Надежде Федоровне, переданных в Пушкинский Дом, этого письма нет. Где оно? Погибло? При каких обстоятельствах? Эти и другие вопросы не удалось выяснить.

⁹ Речь идет о цитированном выше письме от 10 июня 1934 г.

¹⁰ В 1934—1936 гг. Ключев отправил Обуховой несколько писем (ни одно из них до настоящего времени не обнаружено). Певица откликнулась на письма Ключева, неоднократно переводила ему деньги.

¹¹ См. об этом подробнее: Азадовский К. Жизнь Николая Ключева. Документальное повествование. СПб., 2002. С. 296—297.

¹² Владимир Иванович Малышев (1910—1976) — доктор филологических наук, исследователь древнерусской литературы, знаток древнерусских рукописей, создатель и ученый хранитель пушкинодомского древлехранилища, ныне носящего его имя.

В середине 1970-х гг. я не раз пытался встретиться с В. И. Малышевым, надеясь узнать у него подробности, связанные с приобретением ключевских писем у Н. Ф. Христофоровой. К сожалению, наша встреча — по разным причинам — не состоялась.

¹³ Письма Н. Ф. Христофоровой к В. И. Малышеву подтверждают, что Владимир Иванович действительно навещал ее в Москве. «Много интересного было в наших совместных беседах», — писала ему Надежда Федоровна 18 ноября 1967 г. (ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. Ед. хр. 1295. Л. 3—4).

¹⁴ Имеется в виду Павел Петрович Ширмаков (1919—1994), в то время — научный сотрудник Рукописного отдела Пушкинского Дома. В своих письмах к В. И. Малышеву от 18 ноября и 29 декабря 1967 г. Надежда Федоровна просит передать ему привет (там же. Л. 3, 7).

¹⁵ Имеется в виду первый номер журнала «Русская литература» за 1973 г. — в нем была напечатана статья петрозаводского краеведа А. К. Грунтова «Материалы к биографии Н. А. Ключева» (с этой статьи началось в СССР «возвращение» поэта).

¹⁶ «Очищение сердца» — послание Ключева к Христофоровой (1935), содержащее его размышления о разных ступенях (состояниях) человеческого сердца, его очищении через веру и Слово Божие. Очищению и обновлению сердца уделяется, как известно, огромное внимание в русской православной традиции (см., в частности, наставления о. Иоанна Кронштадтского, которые Ключев читал или перечитывал в Томске).

¹⁷ Не помню в точности, о чем идет речь. Видимо, о письмах Ключева к Блоку, которые были у меня в фотокопиях.

¹⁸ Вячеслав Дмитриевич Наумов (1894—1979) — певец (тенор), педагог; в 1924—1929 гг. — солист Большого театра; с 1948 г. преподавал в Рязанском музыкальном училище; знакомый Ключева в конце 1920-х — начале 1930-х гг.

В начале 1930-х гг. Наумов принадлежал к кругу артистов Большого театра (Н. С. Голованов, А. В. Нежданова, Н. А. Обухова, А. Н. Садонов), с которыми сблизился тогда и Ключев.

¹⁹ «Николай Степанович» упоминается в недатированном письме Ключева к Христофоровой 1936 г. (судя по содержанию, речь идет о Николае Семеновиче Голованове). В разговорах и переписке с Надеждой Федоровной я несколько раз пытался установить это лицо (ср. с письмом Христофоровой ко мне от 18 января 1977 г.).

²⁰ Надежда Григорьевна Чулкова (рожд. Степанова, 1874—1961) — переводчица; жена писателя Г. И. Чулкова; московская знакомая Ключева и Христофоровой. Упоминается в письмах Ключева к Христофоровой от 5 октября 1934 г. и 25 октября 1936 г.

²¹ Надежда Федоровна произносила (и писала) эту фамилию в двух вариантах: *Смольянинова* и *Смольянинова*. Идентифицировать эту саратовскую знакомую Клюева до настоящего времени не удалось.

²² В апреле 1932 г. — в результате обмена ленинградской жилплощади на московскую — Клюев вселился в небольшую квартиру в Гранатном переулке (д. 12, кв. 3).

²³ В этом отрывке Христофорова в основном повторяет то, что написано в ее «Воспоминаниях».

²⁴ Во время одного из моих визитов Надежда Федоровна передала мне фотокопии писем Клюева, сделанные по ее заказу в Пушкинском Доме, а также авторизованные копии (варианты) ее воспоминаний и записи восстановленных ею по памяти «снов» поэта. Просила напечатать их, «когда придет время» (к сожалению, мне не удалось — по причинам, от меня не зависящим, — выполнить ее просьбу в полной мере).

²⁵ Я отправил Надежде Федоровне сборник «Есенин и современность» (М., 1975), в котором была помещена подготовленная мною публикация «Есенин и Клюев в 1915 году. (Начало знакомства)».

²⁶ См. примеч. 8.

²⁷ Дата в письме — «1975». Более точная датировка — по штемпелю на конверте.

²⁸ Мне действительно звонила незнакомая женщина, представилась ленинградской знакомой Надежды Федоровны и спросила, почему я так долго не звонил Христофоровой и не писал ей. Свою фамилию не сообщила и номер телефона не оставила.

²⁹ См. примеч. 24.

³⁰ То есть Г. А. Рушевой, дочери Надежды Федоровны.

³¹ Помимо сборника «Есенин и современность» я отправил Надежде Федоровне две другие мои статьи: «Раннее творчество Н. А. Клюева» (Русская литература. 1975. № 3) и «Олонекская деревня после Первой русской революции (Статья Н. А. Клюева „С родного берега“)» (Русский фольклор. Т. 15. Л., 1975). Текст в обоих изданиях набран мелко и действительно труден для глаз пожилого человека.

³² Имеется в виду денежный перевод.

³³ Дата в письме отсутствует. Датируется по штемпелю на конверте.

³⁴ Насколько помню, я послал Надежде Федоровне свою только что подготовленную работу, посвященную стихотворениям Клюева 1930-х гг.; публикация состоялась позднее (см.: Байкал. 1978. № 3. С. 149—153).

³⁵ См. примеч. 19.

³⁶ Ошибка памяти Христофоровой (см. примеч. 18).

³⁷ Николай Клюев. Воспоминания современников. С. 549.

³⁸ Там же. С. 550.

³⁹ См.: *Иванов-Разумник Р. И.* Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки. М., 2000. С. 67.

⁴⁰ Шенталинский В. Рабы свободы. Документальные повести. М., 2009. С. 257—290.

⁴¹ *Пичурин Л.* Последние дни Николая Клюева. Томск, 1995 (2-е изд., доп. — Томск, 2009). В основе книги лежат материалы дела № 12301, заведенного на Клюева управлением НКВД по Западно-Сибирскому краю.

⁴² Именно такую надпись Клюев сделал и на своей книге «Изба и поле», подаренной в 1932 г. А. Н. Садовому (Надежда Федоровна передала ее — вместе с письмами Клюева к ней и своими воспоминаниями — в Пушкинский Дом).

⁴³ «Прошел слух, что он расстрелян как духовное лицо», — вспоминала В. В. Ильина, жена геолога-почвоведов Р. С. Ильина, отбывавшего в 1930-е гг. ссылку в Томске (цит. по: Николай Клюев. Воспоминания современников. С. 627).

⁴⁴ Впервые опубликовано в 1984 г. С. И. Субботиным (см. примеч. 1).